

Венер Мавлетов

Симфония ре минор

Современная проза

Венер Мавлетов

Симфония ре минор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514192

ISBN 9785447471255

Аннотация

История трёх женщин, трёх подруг. Одна утратила любовь, другая сохранила, а третья нашла. А почему случилось то, что случилось? Существует ли судьба? А если существует, что она собой представляет? На все эти вопросы будут даны ответы. И почему роман назван «Симфония ре минор». Ответ уже дан в предисловии.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Симфония ре минор

Современная проза

Венер Мавлетов

© Венер Мавлетов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Всё в этом мире взаимосвязано: звуки, цвета, смыслы. И все они составляют единое целое, которое может быть и гармонией, и диссонансом, любым иным сложным сочетанием. Одни люди видят это единство, другим не до этого, ибо озабочены делами насущными, но оно, единство и взаимосвязь всего сущего существует. И человек связан с этим единством множеством невидимых нитей.

А с музыкой человек не только связан, но и творит её, даже не обладая никакими музыкальными талантами. Музыка – это жизнь чувств, а человек – это прежде всего чувство.

Для каждого человека важнее всего собственные ощущения в этом мире, его самочувствие. Он чутко прислушивается к своим ощущениям, замечая все оттенки чувств и даже их цвета. Ему ведомы и светлая грусть, и чёрная тоска, знакомы все цвета радости.

Вокруг звучит музыка, которую мы называем жизнь. А дирижером является реальность. Она рождает и желания, и чувства, и мысли и действия. Желает того или не желает, человек все равно находится в оркестре жизни. И исполняет свою партию. Дирижер-реальность не спрашивает нас, хотим мы этого или нет. Реальность управляет, вынуждает, приказывает. Слабый человек лишь подчиняется, а сильный человек становится соавтором. У каждого свой выбор.

Одинокий человек – это звучание одного голоса под аккомпанемент жизни. Голос одинокого человека включается в общее звучание, в многоголосие всего того, что его окружает. Одинокий человек живет в контрапункте и чем он дольше в нём живет, тем слабее, бесцветнее его звучание. Михаил Иванович Глинка, обзрев жизнь взглядом гения, определил её суть: «Всё в жизни – контрапункт, то есть противоречие». С мнением Глинки согласился даже немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, сказав, что любое развитие основывается на борьбе противоположностей, в их взаимопроникновении.

Примечательно то, что и по сей день ничего не изменилось. Законы борьбы противоположностей действует и ныне, хотя и не все о нем знают: внутренней основой развития и человека, и жизни, и мира является не что иное, как противоречие. Мужчине всегда противостоит жизнь – он должен найти в ней своё место, свою цель и свой смысл. И лишь тогда он обретет и счастье, и любовь. А женщинам противостоит мужчина. Они ищут в жизни мужчину, который или нашёл свое место в жизни, или обречен его найти. Ищут мужчину-творца, которого будут направлять по жизни и любить.

Ничто не сравнится по силе с воздействия музыки на человека, потому что чувство сильнее мысли. Чувствами человек понимает о жизни гораздо больше, чем мыслями. Чувствами он улавливает малейшее противоречие и пытается его преодолеть, чтобы достичь гармонии, к которой созна-

тельно или бессознательно всегда стремится, но не всем это удастся, потому что есть такая немаловажная вещь, как тональность.

В музыке тональность – это сила звука: шепот – это грусть, а отчаяние – барабанная дробь. В жизни же – это неизменяемый жизненный настрой человека, с которым он рождается на свет. В народе говорят: «Не родись красивым, а родись счастливым». Родись с настроем на счастье и оно непременно будет в твоей жизни. Жизненных настроев всего два – одна на победу, а другая – на поражение, в музыке это минорная и мажорная тональности. Два противоположных начала живут в человеке и вступают в схватку меж собой, когда человек пытается чего-то достичь, осуществить своё желание, свою мечту. Одному началу нужно поражение, а другому – победа.

И только музыке по силе описать эту внутреннюю борьбу, происходящую в человеке, со всей её переменчивостью, не только её видимых проявлений, но и невидимых переживаний.

Арпеджио – это исполнение звуков аккорда вразбивку, когда звуки исполняются в быстрой последовательности. В жизни человека арпеджио – это эмоции. Стремительные арпеджио – это рассказ о том, как чувства растут, набирают силу и вот уже человек или ввергнут в бездну отчаяния, или вознесен на вершину радости. И тут уже звучат полноценные аккорды.

В тональности ре минор и ре мажор живёт человек с непокорным и мятущимся духом, человек глубоких чувств и сильных страстей.

Ре минор – это тоска по божественному, тоска по любви. Ре минор – это обращение к самому себе, вопросы и поиск ответов. Ре минор – это интровертная музыка, музыка внутреннего космоса человека.

И лишь когда найдутся ответы на главные вопросы, человек обратится к миру, зазвучит ре мажором, музыкой обращенной к миру, музыкой радости и любви.

Откуда взялась эта удивительная музыка? Да ниоткуда. Она жила в самом человеке и требовала пробуждения, а пробудить её мог только другой человек, с не менее непокорным духом, способным глубоко чувствовать и жить настоящей жизнью.

«Для меня написать симфонию – означает всеми средствами построить мир», – сказал о своем творчестве Малер. И, верно, изрек истину, раз эта фраза стала крылатой.

В музыке при наложении мелодий возникает чудесная гармония, в жизни происходит то же самое, когда рождается истинная любовь и звучит симфония – прекрасное созвучие двух сердец. Лишь когда любовь рождается в душе человека, начинается жизнь, когда невозможное становится возможным. Когда два человека создают свою вселенную, где живет любовь.

Глава 1

Первый рабочий день после затяжных майских праздников радовал солнечной и жаркой погоды. Жарко было как в июле.

Даша шла домой. Не спеша. Ибо торопится ей было некуда и не к кому. Все дело было в усталости, но не физической, а душевной. Усталость эта копилась весь год и не прошла даже после долгих выходных, вот поэтому в этот прекрасный майский день ей было грустно, как никогда. Она существовала контрастом, диссонансом к весеннему буйству жизни вокруг.

В свои двадцать пять лет Даша твердо знала, что самая грустная штука на свете – это жизнь. К тому же у неё было высокое образование по сравнению с окружающими. Её высокое образование требовало от жизни больше, чем та могла ей дать.

Даша преподавала литературу и русский язык, пытаясь пробудить в детях если не любовь, то хотя бы понимание Пушкина и Достоевского, но не очень успешно, потому что они были из другой непонятной для современных подростков жизни. Старая и опытная преподаватель литературы Марина Николаевна её успокаивала: «Не переживайте особо, и в наше время было то же самое. Большинство из них прекрасно проживут без знания классики. Процент тех, кто чи-

тает Достоевского, не меняется со временем. И это вселяет надежду».

Даша соглашалась, понимая, что до трагичного Достоевского нужно дорасти, прожить жизнь сердцем, чтобы почувствовать то, что чувствовал великий человек. И все равно не оставляла надежд достучаться до каждого, сожалея, что так мало часов отводится на изучение литературы, но у тех, кто управлял такой тонкой материей, как образование, было другое представление о жизненных приоритетах.

Многим даже фраза Достоевского, что красота спасет мир, кажется загадочной, потому что у каждого своё представление о красоте. И ещё срабатывает извечное стремление людей свести сложное, к чему-то простому, ясному, понятному, что в принципе невозможно.

Красота сложна, многообразна и у неё своя иерархия. Высшая красота руководит низшей. Внешне красив будет только тот человек, кто внутренне красив. Некрасивость души в молодости не слишком заметна, но с годами все явственней проявляется во внешности.

Красота – это не нечто застывшее, а постоянное движение и борьба. Борьба между красотой и безобразием – борьба света и тьмы. Красоте всегда противостоит безобразие, как свету противостоит тьма. Красота принадлежит вечности, а безобразие нечто преходящее.

Вводит в заблуждение человека и многообразие красоты. Ведь вирус тоже красив в своем совершенстве. Приро-

да создала совершенное оружие, но не для того, чтобы сеять смерть. Истинное предназначение вируса не смерть, а совершенствование красоты в смертельной схватке.

Красота – это сила. Женская красота – это сила любви и нежности, а не внешность. И в этом тайна женской красоты. Даша была полна этой тайны, но раскрыть и увидеть её мог лишь тот, кто способен был видеть саму суть, но таких мужчин на жизненном пути Даши не встречалось.

Даша, как и очень многие люди, страдала от непонимания, что усугублялось тем, что она была некрасивой. Ведь красиво или некрасиво – это оценки, а сами оценки – источник страданий. Очередной взгляд мужчины, очередное разочарование на его лице и боль в её сердце. И хотя Даша уже не обращала внимание на подобную реакцию, но все равно обращала.

Некрасивой Дашу делал большой нос с горбинкой. Нос доминировал на лице, обращал на себя внимание окружающих, за этим носом не было видно самой Даши. Мужчины даже не замечали как прекрасны её глаза цвета изумруда.

Говорят, однажды Сократ спросили, какая часть тела самая нечувствительная. Он ответил: «Нос. Моя бабушка всю жизнь водила дедушку за нос, а он этого совершенно не чувствовал». А вот Даша чувствовала, что нос её водит по жизни, что главенствующая роль в её жизни принадлежит именно носу. И совсем не зря китайцы считали, что нос – это властелин лица. Нос Даши был властелином не только её лица,

но и самой её жизни.

По закону компенсации к некрасивому лицу прилагалось прекрасное тело. Именно из-за её фигуры с Дашей знакомились со спины. Часто мужчины, оценив её точёную фигурку, грациозную походку, ускоряли шаг, обгоняли её, чтобы взглянуть на неё, сталкивались с её носом и испытывали настоящий шок.

Шутница-природа спрятала Дашу за её носом. Красивые люди видят одну сторону мира, а некрасивые – неприглядную.

Постоянное одиночество и страдания не озлобили Дашу, потому что у неё был очень сильный характер. Сила не может быть некрасивой, поэтому Даша лишь становилась мудрее и даже добрее к людям. Правда, ей иногда становилось очень грустно, ибо она знала о жизни что-то такое, о чём остальным не суждено было даже догадываться.

Даша продолжала искать человека среди мужчин. Вглядывалась в людей, всматривалась пристально. И разочаровывалась каждый раз. Знали бы эти мужчины, что Даша испытывает не меньшее, а, может быть, даже большое разочарование. Среди идущих мимо и среди всего её окружения не было того, ради которого она была бы способна на всё. Вокруг было много тонко чувствующих людей, но тонко и глубоко чувствующих лишь собственные страдания и бесконечно глухих, бесчувственных к переживаниям других людей.

Похоже, люди в своем стремлении быть счастливыми, убе-

дили себя, что в битве за счастье, как на войне, все средства хороши. И почему-то вокруг было очень мало красивых людей. И даже среди молодых – мало.

Даша мечтала встретить мужчину со своей великой Вселенной. Встретит, заглянет в эту Вселенную, а там тьма-тьмущая всего и всё это движется вокруг главной идеи. Все равно какая у него главная идея, лишь бы в этой Вселенной звучала его собственная музыка. Она временами может быть грустной, временами – бодрой и задорной, но всегда не перепетой за другими.

Скорее всего – он будет немолодым, пожившим, но с незамутненным источником. Сделаешь глоток – свежо. И ещё мужчина будет скрывать своё наболевшее: то ли потому, что оно ему кажется для других неважным, то ли от того, что ещё болит, то ли от скромности, которая присуща благородным от природы людям. И, конечно же, он будет ироничен, ведь ирония – это и оружие, и щит от жизни и дураков.

Даша жила в ожидании встречи с другой Вселенной, но она всё не случалась. Она приходила домой, открывала дверь. Как обычно, её взгляд сразу же упирался в зеркало. Там была вечерняя Даша, чуть уставшая и такая же некрасивая.

– Привет, Золушка, – здоровалась она сама с собой. Вздыхала и принималась за домашние дела.

Изредка Даша испытывала страх. «Вот так однажды вечером посмотришь в зеркало и увидишь старушку, – прихо-

дило ей на ум. – И поймешь, что жизнь прошла. Прошла, потому что время неумолимо. Оно течет себе и течет и никогда не спрашивает: счастлива ли ты? Времени все равно. Оно бездушно. Ты никому не нужна в этой жизни. Ты нужна только тогда, когда ты занимаешь какое-нибудь место в жизни другого человека».

Страх проходил, сменяясь надеждой. Ведь она была молода и полна сил. Она ещё не встретила того, в жизни которого она заняла бы все место. И если встретит такого человека, то не упустит. Она сотворит счастье, рай на Земле для него. Обязательно сотворит.

Даша уже подходила к своему дому, когда неожиданно и почему-то тревожно зазвонил телефон. Она достала из сумочки телефон, посмотрела на дисплей – звонила Надя.

– Привет, ты где? – спросила Надя.

– Стою у своего дома, – ответила Даша.

– У Ксении – беда, – сказала Надя.

– Какая? – спросила Даша.

– Не знаю, – ответила Надя. – Вот сидит на диване и плачет, но со мною говорить не хочет.

– Сейчас приеду, – сказала Даша.

– Купи по дороге коньяк и яблочный сок, – попросила Надя.

– Нельзя ли вином обойтись? – спросила Даша.

– Боюсь, что нет, случай тяжелый, – отрезала Надя.

Даша посмотрела с сожалением на свой дом – все её пла-

ны рушились. А в её планах было лечь на диван, включить телевизор и ничего не делать. Даша вздохнула и решительно зашагала к остановке.

Глава 2

Ксения была стилистом. Ей нравилось преображать людей. Каждого человека она рассматривала в некоей ситуации, которая идеально подходила к нему. Ксения смотрела на человека, задавала ему обычные вопросы о любимом цвете, о том, какой одежде отдает тот предпочтение, какие известные личности ему симпатичны? Задавала вопросы до тех пор, пока все особенности, недостатки и таланты человека не соединялись в сознании Ксении в единый образ. А после начинала подбирать одежду, обувь, прическу. Человек у неё не только внешне преображался, но и вдруг понимал, что оказывается он совсем не такой, каким он сам себя всё это время представлял. Многие люди не знают, какова их собственная суть и каков их характер, а Ксения знала, вернее, чувствовала. Она была не только стилистом, но и психологом. Оба таланта Ксении были от природы и передались ей по материнской линии.

За умение преобразить человека и ценили Ксению. Работала она на телевидении, там особое внимание обращали на внешность человека.

Сейчас Ксения сидела на диване и плакала.

– Не хочешь говорить, что произошло, так скажи хотя бы, почему ты на меня взъелась? – спросила Надя.

– Я тебе зачем ключи от квартиры дала? – спросила Ксе-

ния.

– Для того чтобы я цветы поливала.

– А ты сюда своих любовников водила.

– Не любовников, а любовника, – уточнила Надя. Количество в этом случае имело значение. – И как ты об этом узнала? Я тщательно все следы нашего пребывания уничтожила.

– Соседка сказала.

– Любопытная она у тебя, – осудила соседку Надя.

– Нет, – она не любопытная, – возразила Ксения. – Вы слишком громко занимались любовью.

– Извини, – попросила прощения Надя. – Нам больше некуда было пойти.

– Моя квартира не бордель, – всё ещё сердясь, заметила Ксения.

Надя поняла, что самое лучшее – это прервать разговор, иначе они поссорятся, наговорят друг другу обидных слов. Она взяла пульт от телевизора, лежавший на журнальном столике, и включила телевизор. Сразу же попала на канал «Мода». Ну да, что ещё может смотреть Ксения. Ей всегда нужно быть в курсе того, что происходит в мире высокой моды. Хотя Ксения всегда говорила, что глупо следовать моде, нужно следовать своему стилю.

По подиуму шли длинноногие девушки в вечерних платьях. «Вечернее платье, – подумала Надя. – Это торжество в жизни. Особенный случай, случающийся редко в жизни».

Понравившиеся платья Надя мысленно примеряла на се-

бля. Из всей коллекции ей приглянулись лишь два платья, остальные были слишком вычурными, неудобными и непрактичными. Да, даже вечернее платье должно быть немного практичным: не стеснять движения, подчеркивать красоту и создавать ощущения праздника. Всегда жизнь решает, что из созданного модельерами, станет востребованным. У жизни свои представления о моде и стиле.

В последнее время модельеры оторвались от жизни, не чувствовали её дыхания. А вот Шанель чувствовала, потому что она – не мода, а новый взгляд на женщину. Шанель всегда чувствовала дыхание жизни. Она первой почувствовала, что женщины стали свободными от мужчин, некоторые даже стали феминистками – современными амазонками, которые, правда, не убивают мужчин, но все время указывают им их место. Вся жизнь феминистки проходит в этом занятии. Из страны феминизма нет возврата, кто туда попал, тот уже никогда не вернется к нормальной человеческой жизни.

Свободной женщине, конечно, нужно одеваться иначе, чем той, которая и материально, и духовно зависит от мужчины. Шанель сама была свободной, поэтому понимала, что это такое. Говорят, она работала и днём, и ночью. Работала даже тогда, когда спала, ибо новые модели являлись ей даже во сне. Ей оставалось только проснуться и перенести сон на бумагу. И ещё Шанель не умела отдыхать, говорила: «Ничто не утомляет меня так, как отдых». Конечно, лукавила: если человек живёт только работой, то ей больше нечем

жить.

И вдруг Надя увидела на экране Ксению. На ней было белое струящееся платье. Её вел под руку благообразный седовласый мужчина, знаменитый на весь мир кутюрье. Увидела и не поверила.

– Смотри, смотри – это же ты! – воскликнула Надя.

Ксения, которая вместе с Надей, до этого безучастно смотревшая в телевизор, несколько оживилась.

– Если изменить прическу и нанести такой же макияж, то нас не отличишь.

Спокойствие Ксении удивило Надю.

Кутюрье и девушку обступили журналисты. Известнейший всему миру модельер представил им девушку, сказав, что Инга, так звали девушку, похожую на Ксению как две капли воды, – открытие года, что её ждет великолепное будущее. И добавил: что Инга избрана лицом дома моды Шанель.

Послышались шелканья фотоаппаратов, вспышки.

Камера отъехала и взяла общий план. Журналисты обступили Ингу и посыпались вопросы.

– Что вы чувствуете, став лицом Шанель? – спросил один из журналистов.

– Я стала ближе ещё на один шаг ближе к покорению мира, – ответила Инга и улыбнулась.

– А как вы думаете, что в вас больше всего привлекает мужчин? – поинтересовалась другая журналистка. По-види-

мому, ей хотелось привлекать мужчин так же, как Инге.

– Моя недоступность, – ответила модель.

– А разве ваша красота не привлекает мужчин? – не унималась журналистка.

– Привлекает, но в сочетании с недоступностью она делает меня неотразимой.

– А кроме недоступности есть ли в вас какая-нибудь изюминка, принадлежащая только вам? – не унималась журналистка.

– Да, – улыбнулась модель. – Я чертовски умна, чем ошеломляю мужчин. У них даже пропадает мысль о сексе.

– Как вы относитесь к тому, что вами восхищается множество мужчин? – последовал следующий вопрос.

– Иногда это утомительно, – ответила Инга.

– Почему?

– Женщине достаточно, чтобы ею восхищался один мужчина, тогда весь мир будет ею восхищаться, – ответила Инга и улыбнулась.

Девушка была не только красива, но и умна, говорила она по-французски, сразу же следовал синхронный перевод на русский.

– Ум и красота Инги сводят с ума мужчин, – подтвердил известный модельер. – Прошу нас извинить, Инге, да и мне, необходим отдых.

Сказав это, модельер увлек Ингу к разочарованию журналистов, которым хотелось вывести гораздо больше.

– Потрясающе, ведь и твой французский безукоризнен, – сказала Надя. – Если бы ты не сидела рядом со мной, то я поверила бы, что на экране ты. Ксения, ты тоже можешь стать моделью.

– Мне это не нужно, – ответила Ксения.

– Почему? – спросила Надя.

– Знала бы ты, что творится в мире моделей, не задавала бы глупых вопросов, – ответила Ксения.

Ксения всё ещё сердилась на Надю. В этот момент в дверь позвонили. Даша пришла в самый нужный момент. Терпение Нади тоже было не бесконечно

Надя открыла дверь.

– Коньяк принесла? – спросила она Дашу.

– Вот, – протянула ей Даша пакет.

Надя вернулась в комнату, достала из серванта бокалы. Открыла коньяк, налила его в бокалы, разбавила яблочным соком. Она где-то вычитала, что коньяк лучше всего разбавлять яблочным соком.

Надя взяла свой бокал и сказала:

– Давайте по глоточку, а после я пойду в кухню, чтобы вам не мешать.

– Я не буду пить, – сказала Ксения.

– Почему? – спросила Надя.

– Я жду ребёнка, – ответила она.

Подруги изумленно посмотрели на подругу.

– От кого? – спросила Даша.

– От Романа.

– Вы же уже как полгода в разводе! – сказала Даша.

– Ну и что, – сказала Ксения. – Люди могут развестись, но могут продолжать встречаться. К тому же развод – это не решение проблемы, а её усложнение.

– Ты даже любовника себе не завела? – удивилась Надя.

– Для меня близость с женщиной без любви невозможна, – сказала Ксения.

– Какие мы! – с иронией сказала Надя. – Ни для одной женщины секс невозможен без влечения к мужчине. Не обязательно горячая страсть, но некая искра, из которой может возгореться пламя. Ты всё ещё любишь Романа, без ума от него, для тебя другие мужчины не существуют.

– Я проклинаю себя за свою любовь. За то, что полюбила его, – сказала Ксения.

– А его не проклинаешь? – спросила Надя.

– Его то, за что? – удивилась Ксения.

– За то, что он изменил тебе, – ответила Надя.

– Он себе не изменил, – отрезала Ксения.

Надя только вздохнула.

– Проклинать-то себя зачем, – упорствовала Надя в своих убеждениях. – Это глупо. Ты не можешь приказать своему сердцу любить или нет.

– А я хочу.

– Чего ты хочешь? – не поняла Надя.

– Приказывать своему сердцу.

– Оно не послушается, – вздохнула Надя.

И она, Надя, хотела бы приказывать своим чувствам. И даже более того – повелевать не только своими чувствами, но и чувствами тех мужчин, которые ей нравились.

– Многие желают повелевать своими чувствами, потому что страдают из-за любви, – сказала Надя. – А в любви нет правды. Она – ложь. И это очень и очень плохо. Мы не в силах это изменить. Это ещё хуже. Мы обречены на то, чтобы влюбляться и страдать.

– К чему любовь, которая обрекает на страдание? – спросила Даша.

– Главное, что ты любишь и можешь любить, – ответила ей с какой-то грустью Ксения.

– Значит, вы по-прежнему встречаетесь.

– Да, я ему сказала, что мы будем вместе до тех пор, пока я не встречу лучше него, – сказала Ксения.

– И что же он?

– Старается быть лучше всех.

– Гениально, – сказала Надя. – Ничего лучшего ты не могла придумать, чтобы привязать его к себе.

– И что же мне теперь делать? – спросила Ксения.

– Вот выпьем коньяка и всё обдумаем, – ответила Надя.

– Я же сказала, что жду ребёнка. Коньяк вреден для ребёнка.

– Тебе не коньяк повредит, уж поверь мне, как врачу, – сказала Надя, – а твоя негативная информация.

– Какая ещё негативная информация? – спросила Ксения.

– Твои страдания и переживания. Тебе нужно знать, что на будущее ребёнка влияет прежде всего та энергоинформация, которую получает ребёнок, будучи в утробе матери и в первые годы жизни. С этой энергоинформацией не сравниться вся та, которую малыш получит позже, так что ты должна быть счастливой именно сейчас и не для самой себя, а для будущего твоего ребёнка. Или ты хочешь своему ребёнку жизнь испортить?

– Не хочу, – сказала Ксения, – но как мне стать счастливой, если я несчастна.

– У меня есть план, – сказала Надя.

– Какой? – поинтересовалась Даша.

– Заставим Романа страдать.

– Зачем? – спросила Ксения.

– Ты ещё спрашиваешь?! – рассердилась Надя. – Сидишь, ревёшь, страдаешь, а он радуется жизни.

– Не радуется, – возразила Ксения. – Ему без меня тоже плохо.

– Так в чем же тогда проблема? Сходитесь и живите счастливо.

– Нет, – отрезала Ксения.

– Почему нет?

– Ещё одной измены я не перенесу, – сказала Ксения. – Это невыносимо больно. Я была слишком самонадеянной, – сказала Ксения. – Думала, что смогу стать для него един-

ственной, но переоценила свои силы.

– Быть может, ты переоценила его? – спросила Надя.

– Быть может, – не стала возражать Ксения.

– Тогда тем более нужно его заставить страдать, – стояла на своём Надя.

– Но зачем? Кому от этого польза?

– Вам обоим, – сказала Надя. – Страдая, человек познает себя. Страдания – горькое лекарство, но эффективное. Вот поймёт, что утратил, пострадает, так и научится дорожить тем, что имеет.

– И как же ты хочешь заставить его страдать?

– О! Есть только один способ сделать мужчину счастливым и тысячи способов сделать его несчастным. Когда ты в последний раз виделась с Романом? – спросила Надя.

– Почти месяц назад.

– Он знает, куда ты уезжала?

– Я ему сказала, что уезжаю на курсы повышения квалификации.

– Ну это не суть как важно. Уехала на курсы повышения квалификации, а оказалась в Париже. Такое случается, – сказала Надя. – Если ты будешь в точности следовать моему плану, Роман не будет изменять тебя. Во всяком случае надолго забудет о существовании других девушек, но при одном условии.

– При каком? – спросила Ксения.

– Ты будешь в точности делать то, что все мы решим.

И тут Надя изложила подругам свой план действий. У Ксении загорелись глаза, но всё же кое-какие сомнения у неё остались, поэтому она спросила:

– А у нас получится?

– Пойдем от противного: допустим, что не получится, – ответила Надя. – И что ты теряешь?

– Ничего не теряю, – согласилась Ксения.

– Ну раз ничего не теряешь, то давай собирай свои вещи и переезжай жить к Даше. И чтобы носа своего из её квартиры не высовывала, пока не придёт твой черед действовать. Ты поняла?

– Поняла, – сказала Ксения.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Надя. – Давайте выпьем за успех нашего предприятия. Пару глоточков, Ксения, действительно не повредят ни тебе, ни ребёнку.

Глава 3

Весь день Иван провёл в подвале, потому что там располагалась изостудия. Она состояла из двух больших комнат и двух маленьких кладовок для реквизита и материалов. Возле окон стояли мольберты, столы с натюрмортами. Начинающие юные художники старательно рисовали карандашами кувшины и яблоки, а те, кто постарше, трудились над акварелями, писали уже красками.

Иван ходил между своими учениками и объяснял, как правильно расположить предметы на листе, как проверить пропорции, как наносить краски. Кого-то хвалил, кого-то приободрял, мол, не сразу Москва строилась, всё, что нужно, так упорно работать, делать зарисовки деревьев, домашних животных, людей, научиться выделять главное, отбрасывать детали.

День пролетел, как всегда, незаметно. Иван вышел на улицу, которая встретила его жарой, красками, запахами и звуками. Для Ивана мир всегда был полон звуков. И вот сейчас, выйдя на улицу, он прочувствовал все многоголосие весенней улицы. В музыке – это называется полифонией, то есть одновременным, совместным звучанием многих голосов. Многоголосие мира – это и многомыслие. У каждой мысли – свой голос и своё чувство. Иван чувствовал себя уверенно в условиях многомыслия. Когда он неожидан-

но для всех бросил музыкальное училище, чтобы поступить в художественное, то сколько бы его ни убеждали родители, любимая бабушка, он стоял на своем. Родители были в отчаянии от его упрямства. Бабушка их успокаивала: «Поперечный с таким характером не пропадет». Поперечным она называла своего внука.

Жил Ваня в престижном доме в центре города. Дом был необычным, выстроенным в форме буквы «П». Одним своим фасадом он выходил на пешеходную улицу, вымощенную серой и красной плиткой, с невысокими двойными фонарями. По другую сторону улицы был медицинский институт, поэтому улица всегда была полна народа. Другим фасадом дом выходил на центральную городскую библиотеку, а третьим – на тихую улицу, на которой не было никаких жилых зданий, а только административные здания. Внутренний дворик был отделен от улицы ажурной чугунной оградой, а на другой стороне улицы раскинулся городской парк. Однокомнатная квартира в этом престижном доме досталась Ване в наследство от любимой бабушки.

Иван уж дошел до своего подъезда, но тут на его пути возникло препятствие в виде соседа по лестничной площадке. Евгений Петрович садился в свое серебристое японское чудо огромных размеров, но увидев Ивана, приостановил процесс перемещения себя в автомобиль.

– Привет, горемыка, – поприветствовал он Ивана. – Какие несчастья сегодня надыбил?

– Вынужден вас огорчить, – как всегда вежливо ответил Иван. – Сегодня ничего не случилось.

– Вот ведь невезуха! – рассмеялся Евгений Петрович, довольный своей шуткой.

– Однако узнал о существовании закона компенсации, – прервал смех соседа незнакомым словом Иван.

– Что это еще за закон такой? – насторожился Евгений Петрович.

– Если убудет в одном месте, то непременно прибудет в другом, – изложил Иван суть закона.

– У меня не убудет! – гордо и хвастливо заявил Евгений Петрович. – Я – хваткий. Слушай, Ваня, а ведь у меня к тебе дело.

– Какое?

– Продай мне свою квартиру.

– Вы же вдвоем живете в трехкомнатной квартире. Неужели места не хватает?

– Мне хочется иметь собственный кабинет. Твоя однокомнатная квартира для этой цели идеально подойдет.

– Нет, – отказался Иван.

– Ну я и не ожидал, что ты сразу согласишься. Подумай, я тебе дам хорошую цену. Купишь себе и квартиру, и мастерскую.

– Спасибо, но нет.

– И всё же подумай, – оставил последнее слово за собой Евгений Петрович, затем сел в свое японское чудо, чуть

слышно заурчал могучий мотор и автомобиль мягко тронулся со своего места.

Иван продолжил свой путь домой, но, видно, у жизни были сегодня другие планы. На лестничной площадке его поджидал соседка Анна Игнатьевна, которая жила этажом ниже.

– Здравствуй, Иван, зайди ко мне, – сказала она.

– Что случилось, Анна Игнатьевна? – спросил Иван.

– Скорее не случилось, – ответила она. – Сын с внучкой должен был приехать, но не приехал, а я наготовила всего. Его любимый борщ сварила, да ещё много чего наготовила. Не пропадать же еде.

Анна Игнатьевна была человеком прямым, откровенным и прекрасно готовила.

– Не пропадать, – согласился Иван.

Он помыл руки в ванной и прошёл в кухню. Где на столе уже дымилась огромная тарелка борща, издающая неописуемый аромат.

– Царская еда! – воскликнул Иван.

– Ты же ещё не попробовал.

– Предчувствую, – сказал Иван.

Анна Игнатьевна достала из холодильника бутылку водки, а из шкафчика стопки, наполнила их.

– Для аппетита, – сказала она.

Иван уже знал, что раз Анна Игнатьевна пьет водку, значит, у неё неприятности. И отказаться, значит, обидеть гостеприимную соседку. И хоть он не переносил водку, всё же

выпил за здоровье Анны Игнатьевны.

Выпили. Иван взял ложку и поискал взглядом на столе хлеб.

Анна Игнатьевна указала ему на тарелку с румяными беляшами.

– Вместо хлеба – беляши, – сказала Анна Игнатьевна. – Тоже хлеб, но с мясом.

Иван взял беляш, откусил кусочек и зачерпнул ложкой борща.

– Пиршество вкуса, – сказал он Анне Игнатьевне.

– Хороший человек ты, Иван, – сказала Анна Игнатьевна, – только жениться тебе надо.

– А зачем? – спросил Иван.

– Неженатый мужчина живет без смысла жизни, – ответила соседка.

– Вот даже как! – удивился Иван. – Тогда непременно женюсь, как только встречу поразительную девушку.

– Какую? Какую?

– Поразительную, чтобы в самое сердце разила и наповал.

– Если выпить, то все девушки становятся поразительными, – сказала Анна Игнатьевна и вновь наполнила стопки.

– Можно я выпью только половинку? – попросил разрешения Иван.

– Участвуй, – царственно разрешила соседка.

Выпили. Соседка до дна, а Иван сделал лишь небольшой глоток.

– Ну вот, наконец-то теплота пошла по телу, – сказала Анна Игнатьевна, прислушавшись к себе.

– У меня тоже, – заметил Иван.

– А если не встретишь поразительную девушку, что будешь делать? – вернулась к прежнему разговору соседка.

– Уже встретил, – сказал Иван. – Правда, только во сне.

– Быть может, сон в руку, – предположила Анна Игнатьевна.

– Может, – согласился Иван.

– Сон расскажи, – попросила Анна Игнатьевна, – а я тебе точно скажу, сбудется он или нет.

И Иван стал рассказывать свой сон.

– Приснилось мне, что еду я куда-то на трамвае. Долго еду, весь город проехал до самой конечной остановки. Вышел из трамвая и сразу оказался возле самого настоящего терема, выстроенного из тепло-жёлтых бревен. Толкнул калитку и пошел по гравийной дорожке к терему. А вокруг огромные ели растут, сказочно красивые. Подошёл к терему, поднялся по ступенькам крыльца, открыл дверь и оказался в большой светлой комнате. Смотрю, на диванчике необыкновенно красивая девушка сидит. Скользнула по мне равнодушным взглядом и отвернулась. Сел я рядом с нею и прямо чувствую, как тепло от неё ко мне идёт. Голову ломаю, что ей сказать, чтобы собой заинтересовать. В этот момент другая дверь в комнате открывается, а оттуда выскакивает Чёрный человек.

– Негр что ли? – спросила Анна Игнатьевна.

– Нет, впечатление такое произвел, наверное от того, что во всё чёрное был одет. Размахивает руками, что-то бубнит себе под нос. Нас не замечая, прошёл к выходу и тут обернулся и посмотрел на меня. Смотрю, а это наш Евгений Петрович. «Он-то что тут делает? А я-то что тут делаю?» – спрашиваю сам себя. Пока сам себе вопросы задавал, девушка вошла туда, откуда Евгений Петрович выскочил. Дверь плотно закрыла. И тут слышу громовой голос: «Где твой хвостик и рожки? Что же ты наследственное прячешь? Предков стыдишься?» Думаю: «Она же девушка, почему у неё должны быть хвост и рожки?» А девушка тихим голоском отвечает: «Не стыжусь! Не проявляется». Дверь ведь закрыта, а всё слышу. И тут понимаю, что я же сплю.

– И проснулся на самом интересном месте? – спросила Анна Игнатьевна.

– Нет, не проснулся, но уже понимал, что сплю, а всё это мне снится. Обладатель громового голоса ворчливо так говорит девушке:

– С этим после разберемся, а чего ко мне-то пришла? Я ведь не звал тебя?

– Несчастливая я, – отвечает девушка.

– А ты думала, что достаточно быть красивой, научиться ходить на высоких и тонких каблуках, да в красивых платьях и счастье тебе само привалит? – смеется хозяин терема.

– Но я ведь так хожу, как еще никому не удавалось! –

упорствует девушка.

– Так чего ко мне пришла? – рассердился её собеседник.

– Счастья хочется, – чуть не плача говорит девушка.

– На перевоспитание согласна? – смягчился хозяин.

– На все, что угодно, – молит о помощи девушка.

– Тогда вот что. Пойдешь работать в детский сад, дите родишь. Мужа я тебя подберу. Жизнь будет тяжелая, иногда на хлеб не будет хватать, но счастье гарантирую. И бонус будет.

– Какой? – живо заинтересовалась девушка.

– Проявится в тебе загадочность женской души, которой так красоте твоей не достает.

И тут настала полная тишина. Сижу, жду, когда девушка выйдет, а я всё нет и нет. И вдруг слышу:

– Теперь и ты заходи, горемыка!

Захожу и вижу: сидит за огромным столом Федор Михайлович Достоевский. Крутит в руках обыкновенную шариковую ручку и внимательно меня разглядывает. А я смотрю, в красном углу висит образ, но вместо святого изображен автомат Калашникова, только вот свечка под образом не горит.

– Нравится? – заметив, куда устремлен мой взгляд, спрашивает Федор Михайлович.

– Необычно! – отвечаю, чтобы ненароком что лишнее сказать.

– А смысл постигаешь? – спрашивает Федор Михайлович.

– Нет! – отвечаю.

– Сие есть истина бытия, самое его зерно, – делает мне намеки Федор Михайлович.

– Все равно смысла не постигаю, – качаю я головы.

– Это то, что мы находим в конце поисков правды! – объясняет мне Достоевский. – Сколько правды не ищи, не найдешь. Ложь найдешь, раскопаешь, а там крохотное такое маковое зерно правды. Хорошая ложь должна быть на дрожжах правды замешана. Тогда и будет она пышная, красивая и неопровержимая. Для Лжи что самое главное? Чтобы ее опровергнуть не могли.

– Ложь почувствовать можно, – решился я на возражение.

– Хорошо сказал, – повеселел Федор Михайлович, – только люди ни чувствовать, ни мыслить толком не умеют. Им нужны простые до примитивности мысли и чувства, вот как автомат Калашникова. Автомат Калашникова и есть зернышко правда. Им прогресс человечества вершится. Простой и внятный образ Насилия. А другой глубинный смысл видишь?

– Нет, – отвечаю, – не вижу.

– Молод еще, – вздыхает Федор Михайлович. – Мудрость она с годами приходит. Как говорил мой друг Гегель: «Сова Афины вылетает в сумерки». Перед тобой, Иван, – Вечная Благодать. Вечную Благодать может дать или Бог, или автомат Калашникова, за то его и ценят. В смысле, автомат. У него преимущества есть перед Богом. Действует не чудесным образом, а грубо материальным, а, следовательно, более

эффективным способом. Хочешь, Иван, Вечной Благодати?
– Молод еще я, – деликатно отказываюсь.

Посмотрел на меня Федор Михайлович и говорит:

– Есть в тебе искра, божий дар, суть и стержень наличествуют.

Ручка тут в его руке вдруг превратилась в бильярдный кий, которым он меня крепко треснул по голове, аж искры из глаз посыпались.

– Все! – говорит Федор Михайлович. – Я в тебе искру в пламя обратил. Теперь тебе нужна та, которая этот огонь жизни будет поддерживать. Чара, пойди-ка сюда.

И тут в комнату вошла она – недостающий фрагмент головоломки.

– Какой ещё головоломки? – не поняла Анна Игнатьевна.

– Жизнь человеческая, Анна Игнатьевна, – ответил Иван, – настоящая головоломка: необходимо собрать картину из множества хаотичных фрагментов. Когда все фрагменты сложатся в одну целостную картину, тогда и счастье приходит. Только я эту девушку увидел, то сразу понял, что она и есть недостающий фрагмент картины.

– Вот с ней никогда огонь в тебе не погаснет, – говорит Федор Михайлович. – Нравится она тебе?

Онемел я тут, ничего сказать не могу, только головой киваю.

– Чара, скажи мне, что ты больше всего на свете любишь? – спрашивает её Федор Михайлович.

Закраснелась тут Чара, но ответила честно:

– Мужчин люблю.

– А ты, Ваня, кого любишь? – уже меня спрашивает.

– Чару люблю, больше жизни, – само собой вырвалось.

Только сказал я это, как Чара исчезла, прямо в воздухе растворилась.

– Она исчезла, – кричу.

– Ну да, – говорит Федор Михайлович, – исчезла, чтобы в жизни с тобой встретиться. Ведь ты сейчас спишь, вот проснёшься и встретишь её.

И вот тут-то я окончательно проснулся.

– Ох и выдумщик ты, Ваня, – сказала Анна Игнатьевна, – неужто и впрямь все это тебе приснилось.

– Ничего не выдумываю, – заверил её Ваня. – Действительно, всё приснилось. Малость чего добавил, но лишь в деталях.

– Хорошему человеку и хорошие сны снятся, – задумчиво проговорила Анна Игнатьевна. – Непременно сон твой сбывается.

Тут Анна Игнатьевна заметила, что за своим рассказом Иван борщ съел.

– Ещё борща будешь? – спросила она.

– Больше съесть не смогу, – отказался Иван.

– А чаю с медком? – предложила соседка.

– Места пока нет, – снова отказался Иван и добавил: – Я, пожалуй, пойду.

– Да, иди, – согласилась Анна Игнатьевна.

Соседка встала, взяла тарелку с беляшами со стола, накрыла её салфеткой и подала её Ивану.

– Вот возьми, попьешь позже чаю с беляшами.

– Да что вы, Анна Игнатьевна, много это, – стал отказываться Иван.

– Бери, бери, у тебя организм молодой, к вечеру проголодаешься.

– Ой спасибо, Анна Игнатьевна, – искренне поблагодарил соседку Иван.

Анна Игнатьевна с какой-то грустью посмотрела на Ивана и вдруг сказала:

– Насчет того, что мудрость лишь в старости приходит, правильно твой Гегель сказал. А самое печальное в том, что эта мудрость приходит лишь для того, чтобы показать человеку, что всю жизнь человек плутал меж трех сосен. Поздно вы, мужчины, взрослеете. Поздно к вам мудрость приходит. Вот жду, когда к моему сыну эта самая мудрость придет, не знаю, дождусь ли.

– Анна Игнатьевна, обязательно к нему мудрость придет, – подбодрил соседку Иван. – Разговорились мы с ним как-то раз, все он понимает, да и характером в вас пошел: добрый, отзывчивый.

Соседка улыбнулась.

– Знаю, не утешай, все равно переживать буду. Ладно уж иди.

- Доброго вам вечера, Анна Игнатьевна, – сказал Иван.
- И тебе доброго, – ответила соседка.

Глава 4

Надя набрала номер телефона. Раздались гудки. Затем она услышала:

– Да.

– Здравствуй, Роман. – поздоровалась Надя.

– А вы кто? – озадачился Роман.

– Надя.

– Какая Надя? – продолжал уточнять Роман.

– Подруга Ксении.

– С ней что-нибудь случилось? – сдержанно-вопросительная интонация Романа сменилась тревогой.

– С ней ничего не случилось. Напротив, у неё всё замечательно.

– И чего тогда ты звонишь? – вдруг рассердился Роман. Ему, наверное, хотелось добавить, что Надя для Ксении – подруга, а для него она никто.

– По поручению Ксении, – ответила Надя, несколько не обижевшись. – Мне тебе нужно передать ключи от квартиры.

– Ключи от квартиры? А где сама Ксения?

– Её нет в городе.

– А где она?

Надя вздохнула: она устала от его вопросов.

– Приедешь за ключами – все расскажу.

– Куда приехать?

– Я сейчас в вашей квартире, – ответила Надя.

– Жди, сейчас приеду, – сказал Роман.

Роман приехал через полчаса.

– Давай выкладывай, – бросил он, едва вошёл.

– Даже не знаю, с чего начать, – сказала Надя. – Давай для начала посмотрим телевизор.

Взгляд Романа стал неподвижным.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Как мило с твоей стороны, что интересуешься моим самочувствием, – улыбнулась Надя.

– Издеваешься?! – догадался Роман.

– Не без этого, – усмехнулась Надя, – но телевизор нам всё же нужно будет посмотреть.

– Зачем?

– Это любимое занятие миллионов.

Роман хотел что-то сказать, но передумал.

– Хорошо, включай, – сказал он и плюхнулся на диван.

Надя включила телевизор. Под мелодичную красивую музыку на подиум выходили красивые девушки в вечерних платьях.

– Какие красивые, – заметила Надя. – Роман, ты хотел бы, чтобы твоя жена была моделью?

– Нет, – ответил тот, хотя ему отвечать не хотелось.

– Вот и Ксения сказала, что ты ни за что не согласишься. Все мужчины собственники, особенно бабники. И ревнивы

до ужаса.

– Моё терпение на исходе, – сказал Роман.

– А ты смотри в телевизор, – сказала Надя. – И мои вопросы перестанут быть для тебя бессмысленными.

Последние слова Нади Роман уже не расслышал, а если даже расслышал, то не осознал.

– Это же Ксения! – воскликнул он. – Что она делает в Париже?

– Вот я об этом с тобой и хотела поговорить, – смиренно проговорила Надя.

– Говори, – разрешил Роман.

– Теперь её зовут Инга.

– Зачем она сменила имя?

– Новая жизнь – новое имя, – ответила Ксения. – Быть может, она не хочет, что бы хоть что-то связывало её с прошлым. Женщины чутки к этому.

– Ничего не связывало с прошлым, то есть со мной? – спросил Роман.

– Ты сегодня просто поразительно догадлив, – сказала Надя. – Прошрое женщины – это мужчина, а прошрое мужчин – это женщины, а сама жизнь – история любви и ненависти. Правда, есть такие люди, у которых есть только история любви, сожаления и утраты, но нет ненависти.

– Значит, она решила напрочь забыть обо мне? – спросил Роман.

– Кто ж его знает?! – пожала плечами Надя. – Сознатель-

но может и не хочет, а бессознательно только того и желает. Знаю только, что ей сам Карл Густав Юнг посоветовал имя сменить.

– Юнг давно умер, – ответил Роман, продолжая думать о чем-то своем.

– Я знаю, – сказала Надя. – Юнг через свои книги Ксении посоветовал. Ты же знаешь, что она специалист в психологии.

– Она велела тебе только ключи мне передать? – спросил Роман.

– Нет, не только. Просила сказать тебе, что отныне ты окончательно свободен. И твоя жизнь принадлежит лишь тебе. Ты рад? – спросила Надя.

Роман посмотрел на Надю. Увидел в её глазах озорные огоньки.

– Уйди, – попросил он.

– Конечно. Всё, как ты пожелаешь, – сказала Надя. – Отныне ты свободный человек, может делать всё, что пожелаешь. Как оно – чувствовать себя свободным?

– Уходи, Надя, уходи от греха подальше, – попросил Роман.

– Ладно, ухожу, – сказала Надя и бросила на журнальный столик ключи. – Вот ключи. Правильно люди говорят, добро не остается безнаказанным.

Роман сжал руки с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Надя поняла его молчаливую ярость и поспешила

уйти.

После того как Надя ушла, Роман схватил мобильный телефон и стал звонить Ксении. Оператор будничным голосом ему сообщил, что абонент недоступен.

Роман некоторое время сидел в неподвижности. Разные мысли и чувства возникали у него. Наконец, победила мысль-желание – напиться. И он отправился в магазин, где купил водки и несколько банок пива. Уже по дороге домой осознал, что не купил ничего из еды, но в магазин не стал возвращаться. Не было желания.

Дома он открыл холодильник. Нашел там рыбную консерву, зачерствевший кусок сыра, пакеты с изюмом, курагой и сухари в полиэтиленовом мешке. Он вспомнил, что Ксения даже хлеб убирала в холодильник, чтобы он не испортился. По этой причине в холодильник попали и сухари.

Роман выпил подряд три стопки водки, каждую запивая пивом. Закурил. Прислушался к себе: в голове слегка зашумело, но до полного опьянения было ещё далеко. Он сидел за столом, а в памяти всплывали самые радостные моменты его жизни с Ксенией. В последнее время смыслом и целью жизни Романа было вернуть Ксению. Он уже думал, что заслужил её прощение, полагал, что скоро они вновь заживут вместе и не торопил события, а оно вон как вышло. Оказывается, у неё была ещё другая жизнь, о которой он вовсе ничего не знал, да и саму Ксению он не знал. Сначала он думал, что она слишком самолюбива, после понял, что самолюбие

тут не при чем, а что-то другое – то ли тонкость её души, то ли страх Ксении перед будущим, неверие в него, в Романа. А вот теперь он окончательно запутался и перестал что-либо понимать. Ясно было только одно: он потерял Ксению.

Роман тяжело вздохнул, налил себе водки, выпил. Кроме как напиться, иного выхода из ситуации не было.

Глава 5

Пробуждение было настоящим кошмаром. Из сна его вырвал звонок мобильного телефона. Рингтон: «Проснись и пой» звучал издевательски. «Каким же идиотом нужно быть, чтобы установить на мобильный такой рингтон?» – подумалось Роману. Петь не хотелось, разве что разбить о стену телефон.

– Да, – сказал он, нажав кнопку вызова.

– Роман, ты на часы смотрел? Уже десять часов, – услышал он голос Славы. – Где тебя носит? У нас снова сбой в программе.

– А без меня никак? – спросил без всякой надежды Роман.

– Без тебя никак, – ответил Слава.

– Скоро буду, – пообещал Роман.

И стал мучительно возвращаться в реальность. Для начала осознал, что спит в одежде. «Напился», – понял Роман. Некоторое время лежал, не решаясь встать. Затем резко поднялся и тут же сел на кровать от того, что тысячи молоточков застучали в его голове. Посидел неподвижно, пока боль не утихла, а после поднялся уже осторожно, добрался до кухни и поставил на плиту чайник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.